

ДИ-НА

Сметающая всё на своём пути

Станислава Бер

16+

Станислава Бер Дина. Сметающая всё на своём пути

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55716544

SelfPub; 2020

Аннотация

Разве это не странно, когда не помнишь, что с тобой происходило до 9 лет? У Дины из родных остался только отец-военный. Он уклончиво объясняет, куда делись её сестра и мать. Девушка уезжает в Москву учиться на архитектора, влюбляется в благородного однокурсника, и тут начинаются удивительные события. Разве это нормально, что вокруг неё так много необъяснимых смертей? Сможет ли Дина понять, принять и простить... саму себя?

О, сколько нам открытий чудных готовит этот бранный мир!

Взрывной характер

Кручилин пригнулся, втянул голову в плечи, закрыл глаза и зажал уши руками. Гремело со всех сторон. Взрывы, взрывы, взрывы! Трясло всё – извилистую дорогу среди заснеженных гор, артиллерийские расчёты. Что же тогда творилось там, куда попадали снаряды? Страшно представить. Несладко пришлось группе боевиков – к гадалке не ходи.

Когда стихло, артиллерист открыл глаза, хлопая рыжими ресницами, стряхнул земляные ошмётки с пятнистой каски, взял в руки бинокль, но лучше бы он этого не делал. Перед ним неожиданно возникло лицо того старика – чеченца с орлиным носом и впалыми щеками. Чёрные глаза из-под седых бровей буравили его, Якова Кручилина. Папаха, в мелкий барашек, и белая борода тряслись в такт выкрикиваемых хлёстких слов.

– Это ты! Шайтан! Шайтан! Аллах изжарит твои кости и изрыгнёт.

– А-а-а! Мамочки! Я рожаю. Яков, проснись же, наконец! – кричал прямо в ухо до боли знакомый женский голос.

Артиллерист открыл глаза. Над ним склонилась Галя. Глаза испуганные, тревожная складка между бровей исказила красивое лицо жены.

– Ёк Макарёк! Так ещё же неделя до дембеля, – сказал Яков, вскакивая с кровати и натягивая майку и штаны.

– Извините, Яков Иванович! Дитё с Вами посоветоваться не захотело и наружу просится. В самоволку мечтает убежать. А-а-а! Опять схватки!

– Твою же дивизию! До города не довезу тебя. Что делать?

– К Бергеру вези, – разрешила Галя, тяжело дыша. – Не до больниц теперь.

Кручилин отвёл сонную дочку к соседке. Рожает, присмотришь? Без вопросов. Помог охающей Гале надеть пальто и шапку, еле застегнул молнию на сапогах – ноги жены страшно отекали. Спустились к машине во дворе. Яков быстро завёл армейский УАЗик, за десять минут домчал рожелицу в медсанчасть воинской части и сдал на руки доктору Бергеру. Принимайте!

– Только бы мальчик. Пожалуйста, Господи! Подари мне наследника. Мне нужен brave солдат, – снова и снова повторял он, вышагивая по коридору с наполовину окрашенными в зелёный цвет стенами и рваным линолеумом на полу, в ожидании чудесного появления сына.

Кручилин стоял у зарешеченного коридорного окна, разглядывая казармы и очищенный от снега пустынный плац, когда дверь операционной открылась, и оттуда вышел его лучший друг – доктор Бергер.

– Поздравляю, отец! У тебя девочка родилась, – сказал доктор, снимая зелёную шапочку с кучерявой головы.

– Ёк Макарёк! Как девочка?! – опешил подлетевший к нему Яков.

Он до такой степени поверил, что Бог дарует ему сына, что Кручилину казалось, это просто очередной розыгрыш его весёлого друга.

– Вот так, мой друг. Прекрасная фемина.

– У меня уже есть девочка. Дочка Даша..., – сказал артиллерист, готовый расплакаться от обиды.

– Значит, будут две дочери. Кстати, в этот раз ребёнок похож на тебя, – добавил Бергер, доверительно изгибая левую бровь.

– Чем похож?

– Окрасом, – ухмыльнулся друг, указывая на рыжину в волосах товарища.

– Мне нужен сын, – зачем-то упрямылся отец, как будто это всецело зависело от принимающего роды доктора.

– Я-то что могу поделатъ? – обоснованно удивился Бергер.

И тут загрохотало. Жахнуло, так жахнуло! Прямо как во сне Кручилина. Канонада взрывов сотрясала воздух. Бергер быстро вернулся в операционную, опасаясь за роженицу. Яков по армейской привычке втянул голову в плечи и побежал узнавать, что это было. Оказалось, что на воздух взлетел склад боеприпасов. По счастливому стечению обстоятельств никто не пострадал от взрыва.

– Ёк Макарёк! Ох, не к добру это всё. Ох, не к добру, – сказал Кручилин. – Полный провал операции.

Серебряная пуля

Макаронны переварились и стали похожи на бесформенное месиво. Ничего, добавим жареный лук и тушёнку, и будет вполне себе съедобно. Кручилин в бестолковом, съезжающем набок фартуке стоял у плиты с алюминиевой крышкой в руках и не знал, чтобы ещё такого добавить, чтобы это можно было есть.

– Кетчуп! Он всё исправит, – решил он.

Яков развернулся на девяносто градусов и открыл дверцу холодильника. Стеклянная баночка с красной тягучей субстанцией одиноко стояла на полке. Вообще еды у них было мало. Кухня в хрущёвке исчислялась шестью законными метрами, и он мог бы, даже сидя за столом, доставать продукты и принадлежности из шкафов. Впрочем, им на двоих много и не надо было.

Кручилин подошёл к пыльному окну с широким подоконником. За окном краснело – садилось солнце. Деревья к осени поменяли зелёные платица на красные наряды. Ему здесь нравилось. Город был спокойный, люди жили тихо, размеренно. Обилие сопот наложило свой отпечаток – все улицы украшали лестницы. Местные их называли трапами. Где-то далеко плескалось холодное море. Из окна третьего этажа был виден Кольский залив, лишь краешек могучей северной громады, но всё же это было здорово. Честное слово,

картина грандиозная.

Он достал из кармана бумажник и вытащил из него фотографию. На мужа и отца смотрели Галя и Даша, больше похожие на сестёр, чем на мать и дочь. Яков погладил лицо Даши и отдёрнул руку. Удивлённо взглянул на правую ладонь. Рука, обезображенная ожогом, почему-то покраснела. Он вздохнул и спрятал фотографию обратно в бумажник. Кручинин отвернулся от окна, перевёл взгляд на красный пузатый огнетушитель, стоящий рядом с холодильником.

– Дина! Иди балабасить. Тьфу ты! Ужинать иди, – крикнул он, стоя там же, у подоконника.

В кухню вошла младшая дочь в домашнем платье и тапочках. Бергер был как всегда прав. Дина удивительно походила на него – волосы с янтарный отливом, большой, можно даже сказать, лягушачий рот, карие глаза в жёлтую крапинку, а самое главное, конопушки, усеявшие всё лицо девочки.

– У-у-у, опять макароны. Не могу их больше есть. Надоело, – сказала Дина, собираясь уйти.

– Садись и ешь. Приказы не обсуждаются, – строго сказал отец.

Ей ничего не оставалось, как сесть за стол и взять в руки вилку.

– Как дела в диспозиции, в школе-то есть? – спросил Яков, усаживаясь на табурет.

– Нормально, – пробурчала девочка, уныло ковыряясь вилкой в бесформенном месиве, подкрашенном кетчупом.

– Что понравилось? – терпеливо продолжал задавать вопросы отец.

– Школа намного больше, чем в нашем военном городке. Детей много. И вообще в Североморске Дине больше нравится.

Дочь говорила про себя в третьем лице. До трёх лет это было простительно, но сейчас, когда ей уже десять, это выглядело странно. Яков не спорил. Хочет так говорить, пусть говорит. Лишь бы не замыкалась и не таила обиду, или, не дай Бог, злобу.

– Что именно тебе здесь нравится? – спросил Кручилин, с трудом прожевывая слипшийся кусок макарон.

– Море нравится. Очень-очень. Оно такое красивое. Иногда спокойное, иногда волнистое. Волнительное. В общем, с волнами, – сначала запуталась, потом нашлась девочка. – Дина сегодня гуляла по набережной и делала зарисовки в блокнот. Летом Дина будет приходить туда с красками.

– А почему не сейчас?

– Ветер холодный с моря. Долго не постоишь на месте. Сдувает, – ответила она, морща конопатый нос.

– Чем ещё занималась?

– Волны считала. За минуты насчитала семьдесят четыре. Семь плюс четыре получается одиннадцать. Один плюс один будет два. Два – чётная цифра. Дина не любит чётные цифры. А ты любишь, папа?

– Никогда об этом не задумывался, – сказал он.

– Ну, задумайся, – посоветовала Дина.

– А что на счёт плохого? Тебя сегодня кто-нибудь расстроил? Или что-нибудь? – спросил Кручилин, отложил вилку – это месиво, и правда, невозможно есть, и внимательно на неё посмотрел.

– Да вроде нет. Не переживай! Если кто-нибудь будет бесить, Дина тебе обязательно расскажет.

Она встала из-за стола, взяла тарелку и вилку, отнесла к раковине, тщательно помыла, подошла к отцу.

– Спасибо, папа, – сказала она, поцеловав его в подставленную щёку.

– Э, нет. Постой-ка, рядовой. Ты кое-что забыла, – сказал Яков, указывая на блистер, лежащий на столе.

Дина проследила за его взглядом, взяла упаковку, выдала из блистера таблетку, проглотила, запила и вышла из кухни. Кручилин убрал со стола, сел обратно на табурет и набрал знакомый номер. Прислонился спиной к стене возле окна, где ему хорошо был видны узкий коридор и запертая дверь в комнату дочери.

– Алё, привет. Да, всё нормально. Таблетку выпила. Спокойна. Ходила гулять на набережную. Планирует рисовать море, – после паузы добавил. – В школе тоже всё хорошо. Я разговаривал с учительницей, она обещала меня предупредить, если будут конфликты или даже намёк на ссору.

Кручилин молча слушал собеседника, постукивая маленьким серебристым ключом по столу.

– Закрылась в комнате. Что она там делает? Читает, рисует. Хорошо, сфотографирую и пришлю тебе рисунки. Не подумал, что это важно. Пока.

Яков нажал отбой, положил телефон и достал из ящика стола шкатулку, открыл её миниатюрным ключиком и вытащил из шкатулки пистолет. Старенький, проверенный "Маккар" легко лёг в руку. Кручилин погладил ствол и испытал нечто похожее на ностальгию или благодарность железному другу. Сколько раз он спасал ему жизнь, вспомнить трудно. Дёрнул магазин, обойма вывалилась в ладонь. Артиллерист пересчитал патроны. Двенадцать штук. Золотистые с красным наконечником, тугие маленькие посланцы смерти. Только одна пуля выделялась. Она была серебряная. Настоящая серебряная пуля. Выполненная по специальному заказу и отлитая из серебра. Яков самолично договаривался об изготовлении.

Кручилин загнал обойму в магазин, передёрнул затвор, вытянул руку с пистолетом, прикрыл левый глаз и направил дуло на дверь в комнату Дины.

Талант пробьёт себе дорогу

Весна в Североморск приходит поздно, но если пришла, то держись. Природа просыпается мгновенно, каждый день преобразаясь из снежного сумрачного царства в цветущий северный уголок на берегу океана. Дина сидела на лавочке

на Приморской площади. Сидела во всём чёрном – куртка на молнии, короткая юбка и ботинки на платформе. Семнадцать лет всё-таки. Теперь это был её любимый цвет. Только иногда она добавляла оранжевый аксессуар. Сегодня она выбрала резинку для волос. Каштановые волосы с янтарным отливом до рыжины вились и не слушались ни её, ни жёсткой массажной щётки, поэтому девушка предпочитала собирать их в банальный хвост с помощью резинки.

Да и место это было любимое. Гигантский памятник матросу-великану, военный мемориал, а позади высокие сопки, а ещё великолепная перспектива Кольского залива и морской простор. Эта площадь не только связывала весь город воедино, она открывала вид на плывущие мимо траулеры и стоящие на рейде корабли. Смотреть на набегающие сине-зелёные волны и снующие лодки можно было бесконечно, и погода сегодня радовала – северное солнце не только припекало, но и грело.

– Три тысячи сорок восемь. Значит, три плюс ноль плюс четыре плюс восемь, получается пятнадцать. Пять плюс один будет шесть. Плохо, – сказала девушка в след проплывающему судну с таким номером и сморщила конопатый нос.

Дина всё также была убеждена, что чётные числа к добру не приводят. Она вздохнула и вернулась к чтению. Потрёпанный томик "Мастера и Маргариты" Михаила Булгаков из школьной библиотеки составил ей неплохую компанию. Вот уже несколько дней она читала книгу с увлечением. Та-

ких чудесных героев она ещё не встречала в литературе, а уж книг она прочла много – мама не горюй!

– Всё, – сказала Дина то ли с облегчением, что дочитала, то ли с огорчением, что захватывающая история закончилась. – Пятьсот тринадцать страниц. Пять плюс один плюс три будет девять. Отлично! Наконец-то нечётное число.

Дина захлопнула книгу и положила её рядом с собой на лавочку. Далёко внизу плескалось море, но девушка видела совсем другие сцены. Ей представлялась Москва тридцатых годов, Азazelло, Воланд, Фагот и Кот Бегемот.

– Точно! Дина их всех нарисует, – сказала она, вставая.

Дина убрала книгу в сумку и пошла домой, не забывая перешагивать через трещины в асфальте. Наступать на них нельзя. Ей была противна сама эта мысль. Всё равно что вляпаться в собачьи какашки в белых кроссовках.

Дома была тихо и пусто. Отец на работе, обед в холодильнике. Что у нас сегодня, кстати? Суп. С макаронами.

– Как же они уже достали – эти макароны, – сказала девушка, разочаровано закрывая холодильник.

Отец с работы привозил провиант ящиками – тушёнка, макароны, крупы, сахар, но готовил из них простые блюда как в солдатской столовой. Сама Дина готовить не любила. Она вскипятила чайник, нарезала батон и колбасу, соорудила бутерброд, быстро перекусила и ушла к себе.

Десятиметровая комната Дины была выкрашена зелёной армейской краской. "Так спокойнее будет. Говорят, что зе-

лѐный цвет успокаивает. Вот и проверим", – сказал отец, размешивая кисточкой застоявшуюся на армейском складе эмаль. Мебель тоже изысканностью не отличалась – напротив двери у окна стоял выдавшие виды стол и кресло на колѐсиках, списанные из штаба, рядом с дверью ютился старенький диван, накрытый полосатым пледом весѐлых оттенков. У стола в углу прятался красный баллон огнетушителя. Отец зачем-то принѐс целых три штуки с работы и поставил их в каждой комнате – на кухне, у Дины и у себя. Впрочем, Дина не привередничала. Главное, чтоб было чисто. А стол ей вообще был не нужен, она всё делала на полу – так удобнее.

Быстро расправившись с уроками, девушка достала альбом, карандаши и краски. Она решила начать с конца. Ну, вот так она любила, всё шиворот-навыворот. Поэтому первой иллюстрацией к книге была сцена "Бал сатаны". Четыре часа упорной работы: подбор цвета, построение архитектуры помещения – придала оригинальности персонажам, и вуаля! Готово!

– Ах, ты ж! Что это за твикс без палочки? – возмутилась Дина.

Она так долго смотрела на свой рисунок, что он вдруг ожил. Однако из него появились не оголтелые персонажи гениального литературного произведения, а лицо её матери, искажѐнное злобой.

– Что ты наделала?! Дрянь! Ненавижу тебя! – кричала родительница, брызгая слюной.

Дина уронила рисунок на пол и отстранилась от него. Мама держала в руках окровавленный осколок и пыталась резануть им по её шее.

Больше она в этот день не рисовала. А вечером еле дождалась прихода отца. Он переоделся, умылся, и они сели ужинать. На этот раз сварили пельмени.

– Знаешь, Дина вдруг вспомнила маму, – сказала девушка, пробуя на вкус начинку покупных полуфабрикатов. Неожиданно оказалось вкусно, даже подобие мясного бульона брызнуло изнутри.

– Что именно ты вспомнила? – спросил Яков, потянувшийся было обмакнуть пельмень в специально заготовленный соус – смешанные кетчуп и майонез.

– Дина сегодня рисовала и вдруг так отчетливо увидела, как мама бросается на неё с окровавленным осколком в руке.

– А дальше что? – спросил отец, не сводя с неё глаз.

– А дальше ничего, – ответила Дина, сморщив конопатый нос. – Что это значит, а? Она вообще тебе пишет?

– Нет. Она ушла от нас и не хочет общаться, – ответил Кручилин, уставившись в тарелку.

– Почему?

– Это моя недоработка. Стратегическая ошибка, так сказать.

– Папа, это странно, что Дина очень плохо помнит всё, что было с ней до девяти лет?

– Ну, почему странно. Так бывает. Будешь пить таблетки,

возможно, вспомнишь.

Дину, конечно, такой ответ не удовлетворил, но с папой спорить было бесполезно. Приказы не оспариваются.

Через неделю Дина и думать забыла о том разговоре. Её больше интересовало, как испечь торт в домашних условиях. Чтобы это было до одурения вкусно, и чтобы не премудрость какая-нибудь типа "возьмите агаро-паточный сироп, меланж и ещё фиг знает что и убейте на кухне полдня". Умаялась, конечно, но десерт получился на славу. Испекла коржи, смазала их сметано-сливочным кремом и украсила ягодами, шоколадной стружкой и орехами.

Когда она выставила всё это великолепие на стол, Яков чуть дар речи не потерял. Снял очки, отложил в сторону телефон и внимательно посмотрел на дочь. Она вытащила из шкафа десертные тарелки, нож и ложки, отрезала и положила большой кусок торта отцу.

– Папа, у нас сегодня праздник. Дина выиграла конкурс, и её приглашают в Академию художеств, – сказала девушка как можно спокойнее. – Правда, здорово?

На самом деле ей хотелось закричать от счастья. Она будет учиться в Москве! Она! В Москве! Там ведь столько всего: выставки и галереи, старинные улицы и памятники, художественные музеи и достопримечательности, а ещё там Арбат, где художники просто сидят на улице, и можно наблюдать за их работой.

– Какой ещё конкурс? – недовольно спросил Кручилин.

Девушка отрезала кусок торта и себе, положила на тарелку и уселась пробовать. Она, конечно, уже надегустировалась – слизывала крем с ложки и с перепачканных пальцев, подыела крошки и обрезки, но составила отцу компанию, потому что целая композиция вкусов – это совсем другое.

– Конкурс книжных иллюстраций. Дина же тебе рассказывала. Забыл? Так вот. Дина отправила туда несколько рисунков к роману "Мастер и Маргарита". Сегодня пришло письмо на электронную почту. Приглашают учиться, – сказала она с улыбкой, откусывая приличную часть торта. – Вкусно!

– Нет, – тихо сказал Яков.

– Не вкусно? – опешила дочь.

– Ты никуда не поедешь. Отставить самовольничать, – строго сказал Кручилин.

– Но почему?! Дина ведь так давно об этом мечтала.

– Ты никуда не поедешь! – повторил отец, встал и вышел из кухни.

Яков ушёл в свою комнату и плотно прикрыл за собой дверь. Дина на цыпочках подошла и встала возле комнаты отца.

– Ага, пригласили, говорит, учиться в Москву. Представляешь? – басил в мобильный телефон отец в своей комнате. – Ну и я говорю, нельзя отпускать. Новые условия, большой город, ритм другой. Ёк Макарёк! А без контроля и рецидив может случиться. Пострадают люди, и немалое количество. Понял тебя. Ага. Пока.

Дина также на цыпочках ушла к себе в комнату. Озадаченная. О чём он вообще? Какие люди могут пострадать?

На следующий день Дина долго думала, отправлять документы или нет, ехать в Москву или остаться дома, послушаться отца или попытать удачу. Для начала нужно посмотреть, что это за академия такая. Она уселась на пол, взяла ноутбук и открыла поисковую вкладку. Загрузился сайт. Вывеска гласила:

"Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова при Российской академии художеств"

– Живопись, графика, скульптура, архитектура, – прочитала она разделы меню сайта, они же факультеты, и задумалась. – Хм. Первое и второе – да. Скульптура? Сразу нет. Архитектура? Проектировать здания, заниматься дизайном интерьера. Возможно, да.

Девушка внимательно изучила информацию о вступительных испытаниях и правилах приёмах. Творческие испытания ей зачтут за победу в конкурсе, а вот над русским языком, литературой и математикой нужно поработать. Ладно, время покажет.

В июне, после сдачи Единого государственного экзамена и получения аттестата, она всё же рискнула и отправила сканы документов на три факультета художественного института. Чем чёрт не шутит?

В июле же Дина жила, как механический заяц – ходила,

ела, искала несложную работу рядом с домом – и всё на автомате, как во сне. Однажды вечером всё решилось. Отец уже пришёл с работы, они поужинали и разошлись по своим комнатам. Дина заглянула к нему. Он смотрел новости по телевизору.

"Владимир Владимирович Путин наградил орденом Александра Невского заслуженного тренера России Станислава Черчесова, орденом Почета – Игоря Акинфеева и Сергея Игнашевича", – вещал диктор программы новостей.

– Папа, ты не представляешь, как Дина рада! – выпалила она сразу, войдя в комнату.

– Что такое? – спросил он, отрываясь от экрана.

– Дина прошла в первую волну на архитектурный факультет, – её глаза светились от счастья.

"Отправлен в отставку кардинал Теодор Маккэррик в связи с обвинениями в сексуальном насилии", – не останавливался в вещании новостной канал.

– Что? Какую ещё волну? – ошарашенный Кручилин встал с просиженного кресла, снял очки и подошёл к дочери.

– Нужно ехать в Москву отдавать оригиналы документов, – продолжала Дина как ни в чём не бывало.

– Я ведь запретил тебе. Ты не должна была подавать заявление. Ёк Макарёк! Что ты вообще себе думаешь, я тут с тобой в бирюльки играю?! – заорал отец, тряся её за плечи.

– Но, папа. . . , – опешила дочь такому категорическому отпору.

Конечно, Дина помнила про тот разговор и про запрет, но думала, что со временем всё изменится, отец передумает. Мало ли?

– Никуда ты не поедешь. Решено, – подытожил отец, убрал руки с её плеч, вернулся в кресло, нацепил очки на нос и уставился в телевизор.

"В Грузии легализовали употребления марихуаны", – завершил новостной блок диктор.

– Ах так! Кем решено? Тобой? А по какому праву? – выпалила Дина с угрозой.

Яков повернулся, присматриваясь к дочери. Он давно её такой не видел. Карие глаза пожелтели, большой рот вытянулся в упрямую складку, ноздри раздувались, как у необъезженной кобылицы, кулаки сжались. Дина тяжело дышала.

– Тихо-тихо, девочка моя. Успокойся, ты чего? – сказал примирительно отец, медленно вставая с кресла.

Ба-бах! Старый ламповый телевизор взорвался и загорелся. Кручинин вскочил и побежал в угол за огнетушителем. Он сорвал с него пломбу, выдернул чеку, освободил шланг и направил его на горящий телевизор. Огонь удалось быстро потушить. Яков огляделся. Телевизор придётся покупать новый. Шторы, видимо, тоже – край слегка обгорел. Дина неподвижно стояла в центре комнаты, опустив голову.

– Иди к себе. Хорошо? – ласково сказал отец, обнимая её и уводя из гостиной. – Я подумаю, что можно сделать. Ладно?

Дина, вымотанная и подавленная, легко дала себя увести и уложить в кровать. Отец вышел и прикрыл за собой дверь.

– Я тебе говорю, что телевизор разлетелся к чертям собачьим. Ёк Макарёк! В куски, в хлам! Рецидив, да. Ну, и что делать? Ты уверен? А если... Ну, ладно. Ага. И тебе спокойной ночи, – закончил телефонный разговор Кручилин.

Утром Дина встала поздно. Голова болела, в глаза как будто песок насыпали. Она нехотя пошла в туалет, нехотя умылась, нехотя села завтракать. Отец уже вскипятил чайник и жарил яичницу.

– А, проснулась? Молодец. Садись, сейчас всё будет готово, – сказал он, закрывая сковороду крышкой. Яичные желтки нужно хорошо прожаривать, а то, не дай Бог, сальмонеллёз подхватишь.

– В общем, я подумал..., – начал Кручилин, усаживаясь рядом с дочерью, – ну, про это... учиться в Москве. Я не буду против, если ты поедешь в столицу.

– Что?! Ты согласен? – оживилась Дина.

– С одним условием? – тут же отстранился Яков.

– Каким? – напряглась она.

– Ты будешь пить таблетки каждый день. Не забывать пить таблетки. Я понятно говорю? – наклонился он к ней, объясняя, как маленькой.

– Конечно, Дина будет пить таблетки!!! – вскочила она и бросилась обниматься.

– Подожди, – он выставил руку перед собой. – Это ещё не

всё. Каждый день ты будешь мне звонить по скайпу.

– Договорились, папочка, – спокойнее ответила девушка, прижимаясь благодарно к отцу.

Столько всего теперь ей предстоит: собрать вещи, спланировать всё до мелочей. Боже! Какое это счастье!

Любовь нечаянно нагрянет

– Что за твикс без палочки? – выругалась Дина, сморщила конопатый нос и отдернула руку.

Московская осень выдалась прохладной и дождливой. Длинная металлическая ручка стеклянной двери в зал банкоматов рядом с институтом оказалась неприятно холодной, да ещё и скользкой. Сопли что ли кто-то по ней размазал? Дина пожалела, что заранее сняла перчатки. В последнее время она стала такой рассеянной, что, в общем, и не мудрено. Второй курс студентов-архитекторов начался резко, как прыжок без разбега – с места в карьер. Лето после окончания первого курса она провела в Североморске у отца. Ходила к морю, писала пейзажи, много читала – расслабилась, а тут за пару недель столько всего навалилось. Нужно срочно писать реферат по истории архитектуры, по инженерным конструкциям работу сдавать, контрольные, семинары, лекции, лекции, лекции. Голова шла кругом!

Дина тщательно протёрла руки влажной салфеткой, вставила банковскую карту в прорезь банкомата, ввела ПИН-

код и набрала нужную сумму для снятия. "Тр-р-р-р-р, пилим-пилим", – погудела денежная машина и выплюнула красные и синие бумажки. Она вытащила купюры, положила в бумажник и вышла из зала на улицу. Отец перевёл ей деньги, теперь нужно отдать их хозяйке квартиры, Дина у неё снимала комнату. Ждёт, наверно, уже дома. На пятнадцать часов с ней договаривались, а уже половина третьего, а ещё добираться к черту на кулички. Опаздывает. Хорошо, что хоть по прямой ехать, без пересадок. Дина прибавила шаг в сторону метро.

– Кручилина, подожди! – услышала студентка у себя за спиной приятный мужской баритон.

Она оглянулась. Бровастый парень с короткими, но взлохмаченными и обесцвеченными волосами пытался её догнать.

– Вот. Ты оставила деньги в банкомате, – сказал он, протягивая ей пятитысячную купюру. – Я стоял за тобой в очереди.

Ой! Да это же её одноклассник, он недавно к ним перевёлся из Питера. Как она его сразу не заметила? С его-то модной кожаной курткой. Вот такой рассеянный с улицы Бассейной! Андрей Хлебосольцев – так, кажется, его зовут. Дина открыла бумажник, пересчитала деньги, одной купюры, и правда, не хватало. Вот балда осиновая!

– Спасибо большое. Дина даже не знает, как тебя благодарить, – растеряно сказала девушка.

Андрей улыбнулся, подмигнул ей и ушёл обратно в зал

банкоматов. Очередь, наверно, из-за неё пропустил.

– Неужели бывают такие люди? – произнесла Дина свои мысли вслух.

Она задумчиво смотрела вслед удаляющемуся красавчику. Внутри неё, где-то в области солнечного сплетения, разлилось такое приятное тепло, что Дина не смогла сдержать восторженную улыбку. Однако кровь, наоборот, набирая бешеную скорость, понеслась по венам как горный ручей весной. Голуби, важно шагающие по асфальту в поисках пропитания, испуганно вспорхнули и разлетелись, кто куда. Птунь! Фонари тоже разлетелись вслед за голубями. Вдребезги. Осыпая немногочисленных прохожих стеклянными крошками.

Андрей вздрогнул, остановился на полпути к банку, обернулся и с удивлением посмотрел на разбитые фонари, а потом на неё. Дина встретилась с ним взглядом и будто очнулась. Развернулась и побежала к станции метро. Теперь она точно опоздала. Даже представила себе, как квартирная хозяйка подожмёт тонкие губы и укоризненно покачает головой. М-м-м! Какие нынче нравы у поколения Z. Про поколения Z ей внук рассказал, конечно.

Район Жулебино совсем недавно обзавёлся станцией метро. Дизайн станции ей сразу понравился, когда отец привёз её сюда впервые. Обычно её глаз радовали панели колонн с красочным переходом от зелёного, лимонного, жёлтого, оранжевого до красного. Сейчас же Дина вышла из вагона и

помчалась к эскалатору, не обращая внимания на трапезиевидные колонны в центре платформы. Опаздывает! Хорошо, что наверху она добежала до дома за пять минут.

– На кухне, – сказала соседка Юлька, округляя глаза и поднимая брови.

Юлька, с которой они делили двухкомнатную квартиру, тоже училась в "Сурке". Она встретила Дину в прихожей. Хозяйка сидела на маленькой кухне при полном параде – яркий вязаный жакет, модный платок, очки с цепочкой, чтобы не потерялись.

– Извините Дину за опоздание. На лекции задержали, – сказала она, выкладывая на стол плату за аренду.

– До следующего месяца, – сказала пожилая дама, пересчитала деньги и ушла.

Эту квартиру ей нашёл отец. Договорился с Юлькой. Долго о чём-то беседовал с будущей соседкой дочери, потом вынес вердикт – спокойная, вменяемая, конфликтов не будет. Может, всё-таки в общежитие, папа? Ни в коем случае! Там бардак, и любая мелочь выведет тебя из себя. Разве нам это нужно? Нет, папа. Главное, что? Главное, спокойствие. Вот!

Комната в Жулебинской квартире чем-то напоминала её собственную в Североморске. Ненужный стол, книжные полки, односпальная кровать, мягкий коврик на полу. Только дом был помоложе, и обстановка в съёмной квартире современнее. Дина переделалась, сходила в ванную, умылась, достала из рюкзака припасённый бургер, разогрела его в

микроволновке, из холодильника принесла колу и устроилась на полу, сидя по-турецки.

– М-м-м, это не еда, это божественная трапеза, – сказала она, откусывая от бургера и запивая всё газировкой. – Наконец-то нормальная пища, а не папины макароны с тушёнкой.

Когда с обедом – или ужином? – было покончено, Дина включила Скайп.

– Привет, пап, – сказала она и помахала рукой в экран ноутбука.

– Здравствуй. Ёк Макарёк! Опять фастфуд лопаешь? – нахмурился Яков, хлопая рыжими ресницами.

– Как ты догадался? – удивилась девушка.

– Кетчуп с губы убери и крошки, – посоветовал он.

Дина, чертыхаясь про себя, лихорадочно вытерла рот.

– Таблетки? – напомнил отец.

– Вот они, – сказала она, закинула одну в рот и запила водой из бутылочки.

– Умница. Как день? Как настроение? – спросил он.

– Настроение отличное. Деньги за комнату хозяйке отдала.

– Я ведь вижу, что что-то не так. Говори, что случилось, – потребовал Кручилин.

– Просто понимаешь, Дина сегодня встретила удивительного человека. Он сделал хороший поступок, – рассказывала она увлечённо.

– Что именно он сделал?

– Дина забыла одну купюру в банкомате, а он догнал и вернул. Большинство людей присвоили бы себе деньги, не вернули. Нет.

– Как его зовут?

– Андрей, – сказала Дина и покраснела.

Яков опять нахмурился. Только этого нам не хватало – встретила хорошего человека. Взяв с дочери обещание звонить при первом чувстве страха, гнева, обиды, отец отключился. Дина же выключила ноутбук и взяла в руки телефон. Когда он загрузил Инстаграм, Дина принялась искать Хлебосольцева. Таких профилей в приложении было мало, а с именем Андрей вообще один. Зато страница молодого человека оказалось весьма интересной. Во-первых, он красовался с крутой татуировкой от кисти до плеча – летящий по трассе Harley-Davidson.

Во-вторых, мотоциклы, видимо, для него были и страстью, и работой. Возможно два в одном. На странице встречались просто красивые двухколёсные агрегаты. Были фотографии, где Андрей в рабочей спецовке стоял возле могучего четырёхцилиндрового "коня". Были публикации, где парень в кожаной экипировке стоял в окружении байкеров. А ещё красочные видео с весёлыми покатушками по ночному пригородному шоссе.

В-третьих, Андрей постил ёжиков. Дина улыбнулась. Да-да, ёжиков. Странная любовь к колючим млекопитающим, если честно. Ни погладить, ни к груди прижать.

В-четвёртых, у Хлебосольцева имелась девушка. Милашка модельной внешности, красотка с вьющимися каштановыми волосами и синими глазищами. Дина почему-то нахмурилась.

Она встала с пола, подошла к платяному шкафу, открыла его и посмотрела в зеркало на дверце. Распустила "хвост", встряхнула волосами с янтарным отливом, растянула лягушачий рот в миленькую улыбочку, потом собрала по типу "губы бантиком". Повернулась боком к зеркалу, потрогала шрам у уха. Вздохнула и закрыла дверцу шкафа. М-да. То ещё зрелище.

Утром, как только проснулась, Дина включила телефон и запустила Инстаграм. Вдруг Андрей выложил новую фотографию. Нет, пусто. Встала, умылась и пошла на кухню. Юлька бессовестно дрыхла в своей комнате – ей нужно было ко второй паре. Дина перехватила бутерброд с колбасой и сыром, постояла у окна. Город начинал просыпаться. Ручейки людей стекались к станции метро. Хмурое осеннее небо не давало солнцу пробиться, и кажется, грозило пролиться на их головы дождём. Всё, надо бежать. И не забыть зонт!

– Здравствуйте, бракоделы! – как обычно приветствовал студентов-архитекторов преподаватель.

Первой парой сегодня стояла лекция по архитектурному проектированию. Лектор – зверь. За глаза его называли КГБ. Корабельников Георгий Борисович – монстр с феноменальной памятью. На первом же семинаре он переписал их фа-

мили и имена и номер группы, а на лекции продемонстрировал, что всех запомнил. Всех! Злостных опоздун он выгонял и на экзамене им жёстко мстил.

Дина приезжала на его пары заранее, от греха подальше. На входе она нос к носу столкнулась с Андреем.

– Привет, Забывашка! – сказал Хлебосольцев, широко улыбаясь и приподнимая густые брови.

– Привет, – сказала Дина и улыбнулась в ответ.

– Тоже боишься опоздать на лекцию? – спросил Андрей, пропуская её по-джентльменски вперед.

– А кто же захочет попасть в цепкие лапы КГБ? – вопросом на вопрос ответила девушка.

– И то правда.

– Слушай, ты вчера так быстро убежал, а Дина растерялась и толком не поблагодарила тебя.

– Да ну, забудь. Просто будь чутка аккуратнее. В следующий раз не вернут тебе кровно заработанные денежки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.